

СУБЪЕКТНО-РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА «ШИШКАРЬ»

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Аннотация. В статье представлен филологический анализ языковых средств, определяющих своеобразие субъектно-речевой организации рассказа Владимира Корнилова, костромского прозаика второй половины XX века. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических и прагматических свойств языковых единиц, которые формируют речевые планы перволичного рассказчика и главного героя, выступающего в роли сказителя. Определяются ведущие языковые приемы и средства стилизации разговорной речи: диалогизация монологического слова; использование просторечной и диалектной лексики, русских паремий; народные истолкования семантики слов. Костромские диалектизмы участвуют в создании речевого портрета героя и отражают региональные культурно-языковые особенности. Характеризуются ключевые метафорические образы, созданные лексическими и синтаксическими единицами языка. Последовательно рассматриваются сравнительные обороты, раскрывающие диалектическое единство *природа – человек*. Риторические вопросы и афористические фразы сказителя являются выразительными характеристиками событий и поступков персонажей. Детально анализируются фрагменты сказового повествования, в которых эксплицируется идея произведения, выражается авторская позиция. Прагматический потенциал языковых единиц проявляется в их активном влиянии на структурную и содержательную организацию художественного повествования. Лексические доминанты *дело* и *лад* объединяют отдельные композиционные части рассказа в общее повествовательное пространство и актуализируют философский смысл произведения. Взаимодействие речи перволичного рассказчика и речи сказителя образует двуголосое повествование, создает текстовую полифонию. В результате исследования языковых особенностей рассказа Владимира Корнилова выявлена система речевых средств и приемов стилизации, которые определяют своеобразие субъектной организации повествования и эксплицируют концептуальное содержание текста, обеспечивают его структурно-смысловое единство.

Ключевые слова: Владимир Корнилов, субъектно-речевой план, перволичный рассказчик, сказитель, повествовательная полифония, концептуальное содержание.

Для цитирования: Фокина М.А. Субъектно-речевая организация рассказа Владимира Корнилова «Шишкар» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 157–162. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-157-162>

Research Article

SUBJECT-SPEECH ORGANISATION OF VLADIMIR KORNILOV'S SHORT STORY "CONE PICKER"

Madina A. Fokina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Abstract. The article presents a philological analysis of the linguistic means that determine the originality of the subject-speech organisation of the story written by Vladimir Kornilov, Kostroma prose writer of the second half of the 20th century. The purpose of the study is to identify the structural-semantic and pragmatic properties of the language units that form the speech plans of the primary narrator and the main character acting as a storyteller. The article analyses the leading language techniques and means of colloquial speech stylization – dialogisation of a monologue word; the use of colloquial and dialect vocabulary, Russian proverbs; folk interpretations of the semantics of words. Kostroma dialect words are involved in the creation of the character's speech portrait and reflect regional cultural and linguistic features. The article examines the key metaphorical images created by the lexical and syntactic language units. It also studies the comparative figures of speech that reveal the dialectical unity of nature and human. Rhetorical questions and aphoristic phrases of the narrator serve as expressive characteristics of the events and actions of the characters. The author of the article elaborates on the fragments of the tale narration in which the main idea of the story and the author's point of view are expressed. The pragmatic potential of the language units is manifested in their active influence on the structural and content organisation of fictional narration.

The lexical dominants ‘deed’ and ‘concord’ unite the separate compositional parts of the story into a common narrative space and actualise the philosophical meaning of the short story. The interaction of the primary narrator’s speech and the storyteller’s speech forms a two-voiced narration, creating textual polyphony. As a result of the study of the linguistic features of Vladimir Kornilov’s short story, the author of the article brings into focus a system of language means and stylisation techniques that determine the originality of the subjective organisation of the narrative, explicate the conceptual content of the text and ensure its structural and semantic unity.

Keywords: Vladimir Kornilov, subject-speech plan, primary narrator, storyteller, narrative polyphony, conceptual content.

For citation: Fokina M.A. Subject-speech organisation of Vladimir Kornilov’s short story “Cone Picker”. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 157–162 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-157-162>

Владимир Григорьевич Корнилов (1923–2002) – известный отечественный прозаик второй половины XX века, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Максима Горького (1985), автор романной трилогии «Семигорье», «Годины», «Идеалист», многочисленных повестей и рассказов. Долгие годы Корнилов жил и работал в Костроме, создал и на протяжении нескольких десятилетий возглавлял областную писательскую организацию, активно занимался общественной и культурно-просветительской деятельностью. Его художественные произведения, совсем не изученные в лингвистическом аспекте, представляют большой исследовательский интерес, так как отражают живую народную речь, характеризуют российскую провинцию, содержат культурно-языковую информацию о региональных фактах истории и экономики Костромского края, деревенского быта и сельской жизни.

Рассказ Владимира Корнилова «Шишкарь» имеет сложную субъектно-речевую организацию, которая является одной из составляющих повествовательной структуры художественного текста наряду с типом повествования и точкой зрения [Николина: 92]. В произведении представлена сложная модель коммуникации: автор – перволичный рассказчик – сказитель – читатель. Наиболее содержательно наполнены и стилистически выразительны субъектно-речевые планы рассказчика и сказителя, которые создают двуголосое повествование.

Современные отечественные исследователи определяют сказ как «особую форму авторской речи, проводимой на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [Сковородников: 311–312]; «речь рассказчика, которую характеризует комплекс особенностей, выражающих её нелитературную и вообще неписьменную природу» [Кравченко: 233]. Обычно в сказовом повествовании осуществляется стилизация устной разговорной речи. Нередко в роли сказителей выступают простые крестьяне, ремесленники, народные умельцы, паломники, странники. Сказовое повествование ярко представлено в произведениях Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, П.П. Бажова, И.Э. Бабеля, М.А. Шолохова, В.Я. Шишкова, Б.В. Шергина,

С.Г. Писахова. Теоретические основы изучения языка и стиля сказа были заложены в трудах отечественных филологов: М.М. Бахтина [2002], В.В. Виноградова [1980], Б. Эйхенбаума [1924]. Семантика и структура повествовательного дискурса рассматриваются в исследованиях Ж. Женетта [1998], Е.В. Падучевой [1996], Т.Б. Радбиля [2017], В. Шмида [2003] и др.

В рассказе Корнилова представлено перволичное повествование, которому свойственны субъективность изложения и активная диалогизация монологической речи рассказчика. Произведение состоит из четырех композиционных частей. В первой части преобладает субъектно-речевой план рассказчика, в его монологическое слово включаются фрагменты прямой, несобственно-прямой и косвенной речи главного героя. В последующих частях произведения доминирует речь старого лесничего Шишкаря, выступающего в роли сказителя. Каждая история имеет название, отражающее главную тему его воспоминаний о жизни людей и леса, о взаимоотношениях человека и природы, о сближении города и деревни.

Речь рассказчика содержит различные оценочные характеристики, создающие авторскую модальность текста. Художественное повествование начинается подробным описанием главного героя и его семьи:

«Старого Шишкаря узнал я по случаю, а потом таким крепким влечением к нему привязался, что дай, как говорится, бог в такой привязанности со своей родней жить.

Чем расположил он к себе, сразу не ответишь. А как вспомню редкую его бородавку до пояса, седой, в какой-то поздней осенней желтизне, придавленный тесной шапчонкой и потому всегда спутанный на голове волос, взгляд по-детски пылкий и до того цепкий, что и захочешь – не утаишься перед ним, – так и потянет к старику душу почистить живым немудрящим его словом.

Жил Шишкарь далеко от городских сует, на лесном кордоне, малой семьей: он да хозяйка, Анна Александровна, Ньюшонка, как обласкивал ее, окликающая, сам Шишкарь, невысокопная, телом сухонькая, лицом морщинистым приветная женщина с быстрыми движениями изработавшихся проворных рук. Да еще сын, последыш Никола, ко времени

моего знакомства с Шишкарем бывший уже крепким расторопным парнем, исполнявшим по дому и по лесу многие отцовы работы. Две дочери, родившиеся прежде Николы, проживали своими семьями...» [Корнилов: 540–541].

В речевом плане перволичного рассказчика создаются позитивные характеристики героев, к которым автор относится с симпатией: *взгляд по-детски пытливый и... цепкий; приветная женищина; крепкий расторопный парень*. Широко используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *бороденка, шапчонка; невысоконькая, сухонькая*. Антропонимы выражают доброе, нежное отношение Шишкаря к любимой жене и сыну: *Нюшонка, Никола*. Характеризуя искреннее расположение к Шишкарю, описывая душевную привязанность к нему, рассказчик передает свои внутренние чувства: *крепким влечением привязался; дай бог в такой привязанности со своей родней жить; потянет к старику душу почистить живым немудрящим словом*. Так создается семантический ряд слов, объединенных общим смыслом: *привязался – привязанность* (однокоренные лексемы); *влечение – привязанность; привязался – потянет* (контекстуальные синонимы). Загадка притягательной силы скромного, честного, трудолюбивого старика – в его большом житейском опыте и настоящей, бескорыстной любви к родной земле, окружающей природе, лесу. Все это он умеет просто и незамысловато передать «живым немудрящим словом», отчего рассказчик получает необходимое душевное очищение, испытывает эмоциональный подъем, достигает внутренней гармонии.

Продолжая повествование о Шишкаре, автор объединяет субъектно-речевые планы рассказчика и героя:

«Лесные его заботы я знал. Не раз при мне он сокрушался, глядя, как лысеет земля от неутолимости нужд людских. Но и радоваться не радовался, когда луга и поля, изгрызающие лес со всех сторон, окидывались бойким подростом, отбирая прежде сработанное людьми. В этом тоже был, по его рассуждению, умственный просчет. А всякий просчет рано или поздно оборачивался общей потерей, срамотой, как говорил Шишкарь. Срамоту же, даже малую, переживал он тяжело и жил в терпеливой надежде на то, что и у поля объявится свой хозяин, понимающий, что и как и куда следует двинуть дело, чтоб соблюден был и лесной, и всякий другой нужный интерес» [Корнилов: 542].

В контексте осуществляется диалогизация монологического слова рассказчика за счет следующих языковых приемов: 1) использование вводных конструкций, указывающих на субъект речи: *по его рассуждению; как говорил Шишкарь*; 2) употребление эмоционально-экспрессивного глагола, сопровождающего косвенную речь героя: *сокрушался* (со-

крушаться ‘сильно огорчаться, печалиться’ [СРЯ 4: 188]); 3) вкрапление несобственно-прямой речи героя, в том числе лексический повтор характерных слов, отражающих особенности его лексикона: *срамота* прост. ‘срам, стыд, позор’ [СРЯ 4: 237]; *двинуть дело* (*двинуть* перен. ‘направить куда-либо’ [СРЯ 1: 369]; ср. с фразеологизмом *делать дело* разг. ‘работать, трудиться, заниматься чем-либо’ [ФСРЛЯ 1: 181]). В размышлениях рассказчика происходит семантическое взаимодействие книжной, стилистически нейтральной и народно-разговорной лексики. Приметой книжной речи является распространенная генитивная метафора: *неутолимость нужд людских*.

Смысловыми доминантами рассказа становятся ключевые лексемы, которые отражают концептуальное содержание произведения: *дело, закон, лад, мир*. Они неоднократно употребляются и в речи рассказчика, и в речи героя-сказителя. Семантика лексемы *дело* раскрывается в прямой речи Шишкаря в первой части рассказа:

«— Что дано человеку сверх того, что есть у всего живого? Руки вот да ум. Тут все и завязано: чтоб ум и силу, тебе отпущенную, *в дело* перевести. Не в напраслиное, не для себя в утеху, – *в дело*. Так думаю: имя не запомнится, *дело* останется. Речь, понятно, не о *поделках*, – потряс он корзиной с не доплетенным еще верхом. – Этакое на ходовую потребу. *Дело* – оно выше. *Дело*, оно интерес многих обнимает! Отыщется *дело* – жить тебе. Не отыщется – так она, жизнь, враскидку и уйдет! Мое *дело*, эва, за окошками, вкруг избы, на версты мерено. За день, может, и обойдешь, и то ежели в силе. Лес – мое *дело*. А лес, мил человек, на вечность даден. Земле без лесу не прожить, потому как без легких и человек не жилец! Я-то помру, а лес, он – будет. Будет! Ежели, конечно, в людях соображение не переведется...» [Корнилов: 542].

Для Шишкаря *дело* – не просто любимая работа, а смысл жизни. Старик, сохраняя лес для потомков, думает о будущем, о продолжении жизни в новых поколениях людей. Ключевая лексема *дело* повторяется в контексте 8 раз и семантически взаимодействует с существительным *лес*: *Лес – вот мое дело*. Речь героя афористична и выразительна, наполнена мудрыми обобщениями. Сентенция *Земле без лесу не прожить, потому как без легких и человек не жилец!* восходит к известной крылатой фразе *Лес – легкие планеты*. Размышляя о значимости леса в жизни человечества, Шишкарь противопоставляет *дело* и *поделки*. Однокоренные слова создают здесь текстовую энантиосемию: с одной стороны, *дело* и *поделки* – результат трудовой деятельности человека; с другой стороны, *поделки* предназначены для повседневного, материального использования на какое-то определенное время, а *дело* связано с моральными представлениями героя о непрерывности существования земной жизни,

о вечных, непреходящих ценностях. Наряду с лексемами *дело* и *поделки* Шишкарь использует однокоренное диалектное слово *приделка*: «Вот что, Николка, завтра сам отправишься, нарежешь делянку у Горелого болота. У меня тут *приделок* набралось» [Корнилов: 542]. *Приделка* ‘дело, работа’ [СРНГ 31: 191]. Народно-разговорная лексика, которую активно употребляет старший лесничий, создает речевой портрет простого деревенского жителя, принадлежащего к крестьянскому миру: *напраслинное, в утеху, этакое, на потребу, враскидку, эва, за окошками, вокруг, ежели, даден, не жилец, помру* и др.

Индивидуальные особенности речи Шишкаря ярче раскрываются в последующих частях рассказа, где герой выступает в роли сказителя. Эти истории имеют заглавия «Браконьеры», «Асфальт», «Притоптух». Писатель создает колоритный речевой портрет героя, который рассказывает об интересных событиях своей жизни, о лесных происшествиях. Деревенский старик употребляет диалектные слова, которые связаны с его повседневной жизнью, сельским бытом. Диалектизмы называют предметы обихода, характеризуют людей и природу: «И *кошевка* расписная тут же. И в *кошевке* тулуп медвежий» (*кошевка* диал. ‘сани’ [СРНГ 15: 141]); «Был в миру мелконькой по душе людишко... Был у власти в услужении. По налогам. Ходил-сбирал. Каким таким *абатуром* на виду у сельсоветчиков оказался, то неведомо. Но власти лишку себе начерпал» (*абатур (оботур)* диал. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 21: 352]). Многозначные диалектные лексемы *овет* и *сумет* используются в речи героя как синонимы [СРНГ 23: 200; 42: 233], обозначают снежный сугроб, под которым в зимнем лесу находилась медвежья берлога: «За медведицу-то я еще раньше отмолился, чтоб простилась мне неминуемая лесная потеря. А малых медвежат, что оказаться должны были под *суметом*, уберегчи задумал... Дружно тихой воздух ружейным треском опалили! Легла медведица. А через ее... *пестун* выкатывается! В недогадливости пошел в бег вокруг *омета*, тут его и *окоротили*» [Корнилов: 552]. Наряду с диалектными синонимами *сумет* – *овет* в контексте употребляются другие диалектизмы: *пестун* ‘медвежонок 1–2 лет, оставшийся при матери’ [СРНГ 26: 322]; *окоротить* ‘остановить, удерживать на месте’ [СРНГ 23: 152]. Диалектная лексика семантически взаимодействует с просторечными и разговорными словами: *лишку, неминуемая* (потеря), *уберегчи, выкатывается* и т. д.

В речевой партии сказителя осуществляется семантизация слов *браконьер* и *Притоптух*, которые являются заглавиями одноименных частей рассказа. Подвергая иноязычное слово *браконьер* народному истолкованию, Шишкарь делит его на две части и объясняет смысл каждой:

«И слово придумали, – от *брака*, что ли? Про *брак* на поле, в фабричной жизни давно шумят. А тут вроде бы самой природе *брак* делают? Может, отсюда и прозвище?..

Попрекаю себя: что же ты, старый, *брак* природе делают, а «*ньер*» этот самый в нетях ходит?! Побывал я в Теребрино, где, как мне чудилось, тот лихой «*ньер*» зародился. Угадал...» [Корнилов: 544; 546].

Притоптух – это прозвище бессовестного, хитрого, мстительного деревенского жителя:

«– *Притоптух-то?* – Шишкарь глянул на меня как на малого. Но пояснил: – Людишечко этакой вот, вроде бы доской ударенный, – голова в плечи вогнана. Беда не в том, что от природных затей людишечко тот невелик да широк. В том беда, что у *Притоптуха* ум хитрый. Извертливый ум и без совести...» [Корнилов: 554].

Оним *Притоптух* образован от глагола *притоптать* ‘погубить, растоптав’ [СРНГ 32: 22]; *притопух* диал. ‘о низкорослом человеке’ [СРНГ 32: 22]. Толкование Шишкаря является разносторонней, объемной характеристикой, он описывает не только внешний вид, но и моральные свойства человека: *вроде бы доской ударенный; голова в плечи вогнана; невелик да широк* (физические качества); *ум хитрый; извертливый ум и без совести* (внутренние качества). Негативное отношение сказителя к нравственно уродливому, подлому односельчанину, который неоднократно поджигал родительский дом сказителя, выражено повторяющейся лексемой *людишечко*, приобретающей в контексте пренебрежительную оценочность. И в то же время добродушный старик не держит зла на своего обидчика и не стремится ему отомстить.

Зоркий лесничий Шишкарь, заботливый хозяин леса, удивительно точно сравнивает человека с различными животными, птицами, насекомыми: «Девки *что птицы*. Птицы, они что? Порхнули из гнезда, следа не сыщешь» (о замужних дочерях); «Нынче же и по радио, и печатно – браконьеры, браконьеры. Стон стоит, *будто от комарья* на болоте!»; «Браконьер, он что, он хитрой. Он все в ум берет, всякую малость, всякий ход-выход. Он *волка бродячего изворотливей!*»; «Как в город его занарядишь, так ноздри и почнет раздувать, *ровно жеребец*, на волю пущенный» (о сыне); «Излазал весь глухой угол, *как крот* огородные грядки» (о себе); «Рот-то широкой, *вроде бы как от лягушки* подзаял, половина-то из-под рыжих усов вниз и загибается» (о нечестном, корыстолюбивом лесном технике); «такого... *зайчинного драпу* дал, только треск да шлеп, да на спине рубаха пузырем!» (о молодом браконьере); «Этаким вот *слепнем* не гудел. Нет, не гудел. А жалил *вусмерть!*» (о жестокосердом сборщике налогов) [Корнилов: 541, 544, 545, 549, 555].

Диалектическое единство *природа – человек* выражено в рассуждениях Шишкаря с помощью русской поговорки *Что в природе, то и в народе*. Герой задумывается над нравственным смыслом этой народной мудрости:

«– Скажи-ка мне, мил человек, как ты понимаешь такие слова: *что в природе, то в народе?*.. Я так думаю: сколь человек не выглядывает у природы, а мудрости, что в ней, не превосходит. В природе все установлено. Будто кто следит, что того-другого, всякого в равности было. Чтоб в силе никакая тварь лишку себе не прихватила...

Тесно среди лесов и вод. А у живности, у каждой, – свое место. И зло-напасти нет расплуду.

А в народе что? Худого, злого, доброго – всякого хватает. А закону на общий лад нет. Тако вот – нет!

Думаешь, умом человек раздобылся, так уж выше природы стал? Нет, мил человек. Сосна вон тоже вроде выше земли, да из ее, матушки, растет...» [Корнилов: 553–554].

Шишкарь опровергает традиционное мнение о том, что человек – царь природы. По его представлениям, люди, наделенные разумом, не умеют и не хотят жить в добре и согласии, между ними нет мира и лада, а природа гармонична и самодостаточна, в ней преобладает равновесие, всё подчинено естественному развитию и сохранению жизни. *А закону на общий лад нет* – так с сожалением старик определяет несовершенство человеческих отношений. *Лад и мир* для него являются важнейшими жизненными ценностями, критериями нравственной силы и величия человека, хозяина земли:

«В природе зла, в нашем понятии, не было и нет, всему свое место расписано. Отчего ж меж людьми зло обитает? Ум ли хитрой, без совести, в силу взошел, общий *лад порушил*? Или, супротив того, силы уму недостает, чтоб, как то положено, *лад сотворять?*..» [Корнилов: 558].

В субъектно-речевом плане сказителя эксплицируется идея произведения, выражается авторская позиция. С помощью повторяющейся лексики *лад* (разг. ‘согласие, мир, дружба’ [СРЯ 2: 159]) создается контекстуальная антонимия, характеризующая противоположные жизненные принципы: *лад порушил – лад сотворять*. Глаголы *порушил* (‘разрушил’) и *сотворять* (‘создавать’) являются здесь средством стилизации народной разговорной речи. Анализируемый контекст относится к завершающим эпизодам повествования. Риторические вопросы, поставленные в финальной части рассказа, являющейся сильной позицией текста, служат одним из сигналов адресованности читателю, способствуют декодированию художественного замысла. Многочисленные вопросы, пронизывающие сказовое повествование героя, диалогизируют его монологическое слово, создают

текстовую полифонию: *Что за чудо такое ныне явилось?* (начало рассказа о браконьерах); *Кому служба и в день и в ночь, а кому и в службе гулянье?* (о безответственных городских чиновниках, отмечающих праздник в рабочее время); *Да вот он, в гладкой доске сучок – всегда ли у человека ум к добру?* и др.

Характерной особенностью рассуждений Шишкаря являются также афористические высказывания, своеобразные сентенции, обобщающие его житейский опыт, являющиеся результатом многолетних наблюдений старика за природой и людьми: *Потомство – оно от природы, дело – от человека; Не грех взять, где пусто. Грех с пустом лес оставить; Силы набрал, умом не облагородился!* (ср.: *Сила есть, ума не надо* ‘с осуждением о том, кто, отличаясь физической силой, большим умом не наделен’ [Жуков: 298]); *Да ежели к уму совесть не привита, нрав извертливый может верх ухватить; Так считал: незачем жизнь печалить, ежели к соседу на свадьбу не попал. Свою свадьбу в душе имей!; Да ведь как оно бывает? – сам светел, да злоба в чужом глазу твои добрые дела чернит; Вот оно как: зло и бьешь – не убьешь, на добро живой воды не напасешься!* и т. д.

Таким образом, в результате взаимодействия субъектно-речевых планов перволичного рассказчика и сказителя в рассказе Владимира Корнилова «Шишкарь» создается двуголосое художественное повествование. Активная диалогизация монологических высказываний субъектов речи формирует повествовательную полифонию. В сказовом повествовании осуществляется стилизация разговорной речи путем широкого использования просторечия, диалектной лексики, русских поговорок, народного толкования семантики слов. К характерным особенностям образной речи сказителя относятся метафорические сравнения, энантиосемия, контекстуальные синонимы и антонимы, риторические вопросы, афористические фразы. В философских размышлениях главного героя рассказа выражается авторская позиция, эксплицируется концептуальное содержание произведения.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: в 7 т. Москва: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
- Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980. С. 42–54.
- Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
- Корнилов В.Г. Шишкарь // Корнилов В.Г. Избранное: в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 540–558.

Кравченко Э.Я. Сказ // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. Москва: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 233–235.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.

Падучева Е.В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 195–418.

Радбиль Т.Б. Лингвопоэтика и нарратология // Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Изд. дом «ЯСК», 2017. С. 423–559.

Сковородников А.П. Стилизация // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. С. 309–313.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.Н. Сорокалетов, С.А. Мызников. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Институт русского языка. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. Москва: Цитадель, 1997.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Эйхенбаум Б.М. Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу. Ленинград: Academia, 1924. С. 152–156.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 7–300. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Problema skaza v stilistike* [The problem of skaz in style]. Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of artistic prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 42–54. (In Russ.)

Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyi diskurs* [Narrative discourse]. Zhenett Zh. *Figury: v 2 t.* [Genette G. Figures: in 2 vols.]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)

Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1991, 534 p. (In Russ.)

Kornilov V.G. *Shishkar'* [Shishkar]. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected writings: in 2 vols.]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, vol. 1, pp. 540–558. (In Russ.)

Kravchenko E.Ia. *Skaz* [Tale]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: a dictionary of actual terms and concepts], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Izd-vo Kulaginoi Publ.; Intrada Publ., 2008, pp. 233–235. (In Russ.)

Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)

Paducheva E.V. *Semantika narrative* [Semantics of Narrative]. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke)* [Semantic studies (Semantics of time and aspect in Russian)]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, pp. 195–418. (In Russ.)

Radbil' T.B. *Lingvopoetika i narratologiia* [Linguistic poetics and narratology]. Radbil' T.B. *Iazyk i mir: Paradokсы vzaimootrazheniia* [Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow, Izd. Dom IaSK Publ., 2017, pp. 423–559. (In Russ.)

Skovorodnikov A.P. *Stilizatsiia* [Stylization]. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik: Vyrazitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference Book: Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings], ed. by A.P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, pp. 309–313. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects], ed. by F.P. Filin, F.N. Sorokaleto, S.A. Myznikov. Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1965–2016, vol. 1–49 (In Russ.)

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language], ed. by A.P. Evgen'eva; AN SSSR, Institut russkogo iazyka. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985–1988. (In Russ.)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka: v 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.], comp. A.I. Fedorov. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997.

Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 312 p. (In Russ.)

Eikhnenbaum B.M. *Illuziia skaza* [Illusion of a tale]. Eikhnenbaum B.M. *Skvoz' literaturu* [Through Literature]. Leningrad, Academia Publ., 1924, pp. 152–156. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 18.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.